

Глубокая зима, деревня Люси.

Сумерки только-только опустились, и по замерзшей дороге у реки, ведущей на запад деревни, спешно несли старый красный паланкин.

Рядом с паланкином шла женщина средних лет. Ее внешность была довольно примечательной, но при этом резко приподнятые уголки глаз и тонкие, поджатые губы явно выдавали жесткость характера. В этот момент на ее лице были заметны тревога и спешка, а фонарь в ее руке дрожал так сильно, что едва освещал путь. Она то и дело подгоняла носильщиков паланкина, требуя идти быстрее, но те, уже немолодые и худые, с трудом переводили дыхание, устав настолько, что даже от самых резких окриков не могли прибавить хода.

С другой стороны дороги кто-то открыл ворота двора, чтобы вылить помой, и, заметив процессию, с любопытством вытянул шею, чтобы лучше рассмотреть происходящее. Он взглянул на небо, понимая, что время для свадебной церемонии было уже неприлично поздним. К тому же перед паланкином не было жениха, который должен был бы ехать на высоком коне, и не слышно было привычной музыки. Но, не желая лезть в чужие дела, он лишь бросил еще один взгляд и закрыл ворота, заперев их на засов.

Женщина у паланкина продолжала нетерпеливо подгонять носильщиков, переходя на ругань. Оскорбления становились все более грубыми, но старики лишь сносили их молча. В их возрасте трудно было найти работу, поэтому, взявшись за дело и получив плату, они могли только следовать указаниям и стараться идти как можно быстрее. Лица их, несмотря на зимний холод, были покрыты потом, и одежда под теплыми халатами промокла насквозь.

Единственное, что немного радовало, — это то, что в последние дни не было снега, и дорога оставалась относительно нескользкой.

Окна и двери паланкина были надежно закрыты тканевыми занавесками, и никто не заметил, что внутри человек с закрытыми глазами и побледневшим лицом, из уголков губ которого текла алая кровь, бесшумно испустил последний вздох, покидая этот мир под прерывистую ругань.

Дорога от города до деревни Люси была не близкой, и даже крепкие молодые парни едва ли выдержали бы ее. Когда носильщики паланкина уже начинали терять силы и собирались попросить у женщины передышку, они вдруг почувствовали, что тяжесть на плечах резко уменьшилась, словно они несли пустой паланкин.

Старший носильщик с удивлением посмотрел на женщину, которая шла рядом с паланкином, намереваясь что-то сказать, но та свирепо взглянула на него и резко выкрикнула:

- Старые бесполезные калеки!

Носильщик тут же замолчал, лишь покачал головой в сторону остальных и молча продолжил

идти.

Паланкин стал легче, и их шаги ускорились. Вскоре они дошли до западного края деревни Люси, к речному берегу, где стояли довольно приличные на вид деревянные ворота. Женщина у паланкина наконец вздохнула с облегчением. Приведя в порядок одежду, она сделала шаг вперед и постучала в дверь, повысив голос:

- Открывайте! Старший сын семьи Ван, твою невесту привезли!

Едва она произнесла это, послышался звук отворяемой двери, за которым последовали быстрые и уверенные шаги.

Носильщики присели, чтобы опустить паланкин на землю. Паланкин качнулся довольно сильно, но изнутри не донеслось ни малейшего звука — тишина была слишком зловещей.

Старший носильщик обменялся взглядами с другими носильщиками и снова посмотрел на женщину, что стучала в дверь. За свою долгую практику они встречали странные случаи. Сейчас же каждый из них прекрасно знал, был ли кто-то в паланкине или нет.

Другие могли этого не знать, но носильщики точно видели: когда невесту выносили из дома, лицо ее было скрыто покрывалом, но тело было абсолютно обмякшее и лишенное силы — ее фактически насильно уложили в паланкин. Женщина подгоняла их всю дорогу, скорее всего, опасаясь, что что-то может случиться по пути.

Старший носильщик, хоть и не был жителем деревни Люси, слышал о хозяине этого дома. Во всей округе не было ни одной девушки или гера, которые бы добровольно согласились выйти за него замуж.

Кто знает, что произойдет, когда откроют занавеску паланкина — возможно, внутри уже нет того живого человека, которого посадили туда. В этом случае сварливая женщина наверняка поднимет скандал и доведет дело до ямена. Старший носильщик не хотел, чтобы это обернулось для него неприятностями, и решил, что, как только они опустят паланкин, он немедленно уйдет. К тому же женщина заплатила ему всего несколько медных монет, поэтому он заранее настоял на получении всей суммы, что теперь оказалось кстати.

Звук уверенных шагов в дворе остановился перед дверью, и деревянная створка с легким скрипом начала открываться изнутри. В тот же момент паланкин почти достиг земли, и вдруг лицо старшего носильщика изменилось, его спина непроизвольно согнулась, а остальные носильщики пошатнулись.

С глухим стуком паланкин упал на землю, к счастью, расстояние было небольшим.

Женщина у двери сердито оглянулась и злобно посмотрела на них. Старший носильщик,

опустив голову, пытался скрыть нарастающий страх на своем лице. В момент, когда паланкин достиг земли, он внезапно почувствовал внутри тяжесть, словно там появилось тело. Это было столь неожиданно, что они едва не упали.

Пронесся порыв холодного ветра, и старший носильщик почувствовал, как его тело покрылось мурашками, а холодный пот стекал по спине, вызывая озноб.

Дверь со скрипом открылась, и старший носильщик, невольно вздрагивая, поднял взгляд. На пороге стоял высокий мужчина. Уже стемнело, и лица его было не разглядеть, но можно было заметить его мощную фигуру с широкими плечами и узкой талией, словно он был воплощением величественной горной вершины.

При виде мужчины женщина радостно направилась к нему, тараторя объяснения:

- Это все эти негодные носильщики задержали, сбили время, - указывая на паланкин, она добавила, - Ребенок так радовался, что выпил лишнего, теперь лежит без чувств. Далан*, прошу отнестись с пониманием!

(ПП: далан - старший сын)

Мужчина посмотрел в сторону, куда она указывала. Несмотря на то, что его лица все еще не было видно, старший носильщик почувствовал остроту и спокойствие его взгляда. Мысль о побеге тут же исчезла.

Старший носильщик опустил голову еще ниже, не смея встречаться с этим взглядом, и краем уха уловил низкий голос мужчины, но не смог разобрать ни слова.

Краем глаза старший носильщик увидел, как женщина с улыбкой протянула руку и приняла тяжелый мешочек, который передал ей мужчина. Она приоткрыла его край и, заметив мелькнувший блеск серебра, ее улыбка стала еще шире. Затем она убрала мешочек в рукав и отошла в сторону.

Сразу же раздалась шаги, спокойные и уверенные, которые остановились перед паланкином. Мужчина на мгновение замешкался, но затем уверенно поднял руку и откинул занавеску паланкина. Женщина быстро подошла поближе и услужливо подняла фонарь, чтобы осветить внутренность.

Увидев это, старший носильщик широко раскрыл глаза и отступил на два шага назад, однако не смог побороть любопытства и тоже заглянул внутрь.

В тусклом свете фонаря была видна худая фигура, сгорбившаяся в паланкине. Его телосложение было заметно тоньше, чем у обычного мужчины, даже среди других парней он казался особенно хрупким. Ярко-красное покрывало полностью закрывало его голову и лицо, а

свободная свадебная одежда висела на нем, обнажая у шеи кусочек бледной кожи, что делало его еще более слабым на вид. Легкий запах вина исходил от него и смешивался с теплом, слабо сохраняющимся внутри паланкина, придавая образу странную, почти мистическую привлекательность.

Несмотря на это, человек в паланкине все же выглядел обычным человеком, а не пугающим существом. Однако, когда взгляд старшего носильщика, озадаченного, прошелся от фигуры к его ногам, он вздрогнул. Он ясно помнил, что когда невесту сажали в паланкин, на ногах у нее были расшитые туфли. Платье было новым, а туфли — старыми, и этот контраст врезался ему в память.

Теперь же туфель не было. Он обвел взглядом внутренность паланкина, но не нашел их.

Мужчина, открывший занавеску, тем временем уже наклонился и легко поднял паренька на руки, вынося его наружу.

Старший носильщик ощутил, как порыв ветра пронесся мимо, когда мужчина с невестой в руках быстро повернулся и направился к воротам двора. Со своей стороны старший носильщик мог видеть только ноги невесты, обутые лишь в белые носки.

В то время как женщина продолжала сыпать словами поздравлений — «Поздравляю», «Пусть у вас поскорее появятся дети» — мужчина вошел в дом, а деревянная дверь за ним закрылась.

В тот момент, когда дверь захлопнулась, старший носильщик успел заметить тонкую белую руку, протянувшуюся подобно змее, мягко и слабо обвивая талию мужчины, туго стянутую поясом, и сжимающую ткань его одежды.

Старший носильщик вздрогнул, забыв обо всем на свете. Он быстро позвал остальных носильщиков, и, подняв паланкин, они бросились прочь, не обращая внимания на крики женщины, как будто не слыша их, устремляясь прочь из деревни.

Женщина, которая планировала попросить носильщиков подбросить ее домой, увидев это, с досады затопала ногами, проклиная себя за то, что заплатила им слишком рано. Однако, ощутив тяжелый мешочек в рукаве, она снова заулыбалась, ее шаги стали легкими. С чувством удовлетворения и легкой тревоги она направилась обратно по дороге.

...

Цинь Янь чувствовал сильную боль в голове, а тело его было совершенно лишено сил. Последний отрывок воспоминаний в его голове — это, как он выходил из бара и оказался на широкой улице, когда перед ним, пронзительно сигналив, возникла тяжелая грузовая машина, а

ветер донес запах дизельного топлива.

Первая реакция Цинь Яня была попытаться увернуться, но он выпил слишком много, и его конечности не слушались. Едва он успел поднять ногу, чтобы побежать, как споткнулся и упал. А потом грузовик сбил его.

Было больно, очень больно, невыносимо больно, но, к счастью, все длилось лишь мгновение, и он больше ничего не помнил.

Цинь Янь думал, что умер. Его детство было тяжелым, и только недавно жизнь начала налаживаться. Он едва успел заработать деньги и почувствовать вкус лучшей жизни, как доверился человеку, который его предал, оставив ни с чем и вынудив его дойти до полного отчаяния. Несмотря на это, он был еще молод, и впереди у него были перспективы. После того, как он выплеснул всю свою злость за ночь выпивки, он собирался вернуться к нормальной жизни, надеясь на лучшее. Но судьба распорядилась иначе, и он погиб. Он был полон горечи, но уже ничего не мог изменить.

К его удивлению, у него появилась возможность снова открыть глаза.

Первое, что он увидел, было красное полотно балдахина, подсвеченное светом свечи, и мужчину в красных одеждах, сидящего на краю кровати и внимательно смотрящего на него. Мужчина сидел против света, и Цинь Янь не мог разглядеть его лицо, но видел четкие и мужественные черты и высокую статную фигуру. Он чувствовал, что мужчина изучает его.

Это была не больница и не его дом, а место, похожее на сцену из исторической драмы, которую показывали по телевизору.

- Ты... — губы Цинь Яня шевельнулись, он хотел спросить, что происходит, но не успел. Мужчина у кровати внезапно поднялся и направился к деревянному столу с облупившейся краской. Наклонившись, он задул красную свечу.

В ту секунду, когда мужчина приблизился к огню, глаза Цинь Яня расширились от ужаса.

До тех пор, пока пламя свечи не погасло и шаги не приблизились к кровати, в голове Цинь Яня все еще стояло видение той половины лица, которое он успел заметить.

Ужасные шрамы покрывали почти каждый дюйм кожи, плоть была изуродована, неровная и изогнутая, отливая пугающим алым цветом, словно перед ним стоял настоящий демон, вырвавшийся из преисподней.

Шаги остановились у кровати, и этот устрашающий мужчина замер, выдерживая долгую паузу, прежде чем в темноте взобраться на кровать и медленно приблизиться к Цинь Яню.

Цинь Янь ничего не видел, дыхание замерло, он чувствовал, как незнакомец наклонился так близко, что его горячее дыхание касалось его лица, а грубые пальцы остановились на застёжках у воротника. Цинь Янь вздрогнул и не удержался от короткого, испуганного вдоха.

Однако рука не продолжила движения, просто замерла на месте. Шея уже ощущала тепло пальцев, исходящее от прикосновения. Окна были плотно закрыты, и в комнате не было ни малейшего источника света. Сердце Цинь Яня забило быстрее.

В этот момент он услышал низкий, хриплый голос:

- Твой отец сказал, что ты согласен. Это правда? - казалось, мужчина делал последнее подтверждение.

Цинь Янь замер, осознавая, что этот человек обращался к нему. Он не понимал, что тот имеет в виду, и инстинктивно хотел спросить. Но в этот миг в его сознание внезапно ворвались чужие воспоминания — история короткой и печальной жизни древнего человека с таким же именем и фамилией, стремительно пронеслась перед его мысленным взором.

Накануне отъезда первоначального владельца тела на экзамен коварная мачеха одурманила его и отправила в постель к бедному кузнецу с лицом, как у демона. С тех пор он был вынужден стать его супругом. Хотя кузнец не был виноват, прежний Цинь Янь так и не смог смириться с этим браком, игнорируя все проявления заботы и доброты мужа. В конце концов, желая взлететь повыше, он оклеветал мужа, что привело к его аресту и казни. Кузнец знал, что все это — коварный план его супруга, но молча принял судьбу и отправился на казнь. Прежний Цинь Янь сам недолго наслаждался своей мнимой победой и вскоре встретил ужасную смерть.

Так вот оно что, он перенесся в другое время и тело, словно перелистывая страницы книги, увидев всю трагическую и скорбную жизнь прежнего владельца тела.

Цинь Янь, который в современном мире был предан и разорен, почувствовал, как его глаза наполнились слезами. Он подумал: «Ты не любил его, но я смогу. Ты не ценил его, но я буду ценить».

Цинь Янь никогда не был нерешительным. Получив новую жизнь, он понимал, что теперь будет еще больше дорожить этим неожиданным шансом на счастье.

Голова продолжала болеть, тело ныло, и дыхание Цинь Яня становилось все более частым. Глубоко внутри разгорающееся тепло стало невыносимым — он понимал, что это начинало действовать зелье, подмешанное коварной мачехой прежнего владельца тела.

Собрав силы, он поднял руку и обвил мощную шею мужчины, лицо которого скрывала темнота. Тот моментально напрягся, но Цинь Янь подтянул его вниз, приближая губы к его уху. Ноздри уловили легкий аромат мыльного корня, что каким-то образом принесло чувство спокойствия.

Затем он послушно и мягко прошептал:

- Да.

И только после этого застёжки на воротнике начали медленно расстегиваться одна за другой.

В комнате было темно, но когда глаза привыкли к мраку, в ней начали вырисовываться очертания тел. Кожа на груди, освобожденная от ткани, ощущала легкую прохладу, но жар, распространившийся по телу, добрался до лица Цинь Яня, и он невольно издал легкий стон.

<http://bllate.org/book/13590/1205161>